

К ЭТИМОЛОГИИ ПЕРМСКОГО КЕЧ ~ КӖЧ "КОЗА, ЗАЯЦ"

В значении "заяц" в удмуртском языке употребляются слова луд кеч (букв. "полевая коза") и кыр кеч (букв. "дикая коза").

Функционирование данной лексической единицы отмечено и в других финно-угорских языках: мар. качи, качака, кэсэ, кесы (горн.) (Васильев 1926: 64; МРС: 194), э.-морд. кацяга, венг. кеске "коза" (Федотов 1968: 108), эст. кiis "коза" (РЭС: 214); широкое распространение имеет в тюркских языках: азерб., тур., чаг. кечи "коза"; турк. гечи, тат. кэжэ, чув. качака "коза" (Егоров 1964: 95); ср. ещё рус. (вят.) кечка "коза, козёл" (Васнецов 1908: 105).

Единого этимологического решения для данного слова еще не найдено. Поиски были направлены главным образом на установление тюркско-финно-угорских связей. О.Доннер возражает Й.Буденцу, который связывал венгерское и удмуртское слова, обозначающие козу, с татарским каја (Donner, 1874: 24). Б.Муникачи полагал, что в удмуртском языке оно из татарского (Munkácsi 1896: 139). Ю.Вихманн же считал его чувашского происхождения (Wichmann 1903: 73), что, по мнению Э.Итконена, является ошибочным (Itkonen, 1954: IX), хотя позднее он стал тоже возводить к чувашскому источнику (Itkonen 1970: 270). В.И.Лыткин, вслед за Т.Уотилой, выражает неуверенность в чувашском происхождении пермского кеч ~ кӖч, поэтому приводит под вопросом (сомнение вызывает недостоверность первоначальной чувашской формы кача, из которой исследователи выводили пермское кеч ~ кӖч (Uotila 1938: 94; Лыткин 1967: 133). По предположению В.Г.Егорова форма кача в чувашском языке функционировала, а современная чувашская форма качака — слово по составу сложное, состоящее из кача + така (коза + баран), и от частого употребления слог та выпал (Егоров 1964: 95). В "Кратком этимологическом словаре коми языка" (с.43) В.И.Лыткин полностью уже соглашается с предположением Ю.Вихманна о чувашском происхождении этой общепермской лексической единицы и дает без знака вопроса.

Безоговорочно предположение о тюркском происхождении данной лексической единицы в финно-угорских языках принять нельзя, не поддается объяснению на тюркском материале эстонское соответствие.

Оставляя без критики предположения исследователей об этимологии данной лексической единицы, мы хотели бы предложить еще одну, может быть столь же спорную, гипотезу. Не связано ли это слово с оноματοпеей? "Множество имен, — пишет Г.Рамстедт, — в особенности наименования зверей, птиц, насекомых и т.д., во всех языках обязано своим происхождением склонности человека к подражанию" (Рамстедт 1957: 123). В современной лингвистической литературе вопросы звукоподражательной теории разработаны еще недостаточно. Подтверждением этому служит хотя бы следующее высказывание того же Г.Рамстедта: "Ономатопеэтические слова часто обсуждались в связи с различными языками, однако, насколько мне известно, никто никогда не пытался исчерпывающе и систематически исследовать этот материал" (Газов-Гинзбург 1965: 7).

В говорах удмуртского языка слоговая имитация крика козы передается звуковыми средствами как к-э-э-ээч! к-э-э-э-ч!: Вакчи бьждэ позырто, к-э-э-ээч! м-э-э-ээч! кесяськыто. Короткий хвост скручу, к-э-э-ээч! м-э-э-ээч! закричишь (букв. "заставлю закричать"); ср. слова клича (вокатив) козы: кече! кече!, кеченэ! кеченэ! (Удмурт 1924: 75). Удивительные сходные вокативные слова находим и в других языках: тат. коч-коч!, кэч-кэч!, рус. кеч!, кеч-кеч! (Германович 1953: 311). Почти абсолютное фонетическое сходство названия с имитативом и вокативом, как нам кажется, не случайно. Связь данного зоонима со словами призыва (с вокативными словами) подчеркивают и авторы "Историко-этимологического словаря венгерского языка" (TESz, 11: 420). При этимологизации оноματοпееческих слов венгерский этимолог Л.Киш предлагает строго соблюдать принцип самобытности, суть которого заключается в следующем: "Если какое-то слово может быть проэтимологизировано и как исконное, и как заимствованное, причем ни то, ни другое объяснение не имеет превосходства, этимолог поступает правильно, отдавая предпочтение первому объяснению, не умалчивая и о втором" (Киш 1967: 69). Исходя из требований этого принципа, необходимо в первую очередь искать этимологическое объяснение из собственных ресурсов данного языка.

Возникает вопрос: как связаны между собой имитатив, вокатив и само наименование? Фонетическая близость их четкая, прозрачная. Эволюция имитатив → вокатив → наименование вполне

возможна. В. Пизани о подобном явлении пишет следующее: "... образованы из слогов, подражающим определенным звукам, причем эти слоги сами по себе находятся за пределами языка, но, усваивая морфологические приемы и становясь выразителями некоторых понятий, входят в его систему и образуют нормальные слова" (Пизани 1956: 109).

Исходя из вышесказанного, вполне можно допустить, что перед нами ономатопоэтическое слово, возникшее, по-видимому, в период пермской языковой общности. Этим, т.е. звукоподражательным характером, вероятно, объясняется наличие этого слова и в эстонском языке. Кстати, в самих тюркских языках данная лексема тоже междометного происхождения (Рясянен 1969: 35). В вятском говоре русского языка *кечка* "коза" считается тюркским заимствованием (Фасмер 1967: 227), с чем вряд ли можно согласиться. Вероятнее всего, в вятском говоре русского языка оно имеет пермское происхождение, по фонетическому облику ближе стоит к удмуртской форме *кеч*.

Сокращения

азерб. — азербайджанский язык; венг. — венгерский язык; вят. — вятский говор русского языка; горн. — горное наречие марийского языка; мар. — марийский язык; тат. — татарский язык; тур. — турецкий язык; туркм. — туркменский язык; чаг. — чагатайский язык; чув. — чувашский язык; э.-морд. — эрзя-мордовский язык; эст. — эстонский язык.

КЭСК — В.И.Лыткин, Е.С.Гуляев, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва, 1970; МРС — Марийско-русский словарь, Москва, 1956; РЭС — Русско-эстонский словарь, Таллинн, 1955; TESz. — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, II. Budapest.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев В.М. 1926, Марий мутэр, М.
Васнецов Н.М. 1908, Материалы для объяснительного словаря Вятского края, Вятка.
Газов-Гинзбург А.М. 1965, Был ли образителен язык в своих истоках? М.
Германович А.И. 1966, Слова клича и отона животных в русском языке // Известия Крымского пединститута, Симферополь.
Егоров В.Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары.
Киш Л.О. 1967, О некоторых принципах этимологизации заимствованных слов // Этимология, М.
Лыткин В.И. 1967, О древнетюркских элементах в лексике пермских

языков // Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 4, Ижевск.

Пизани В. 1956, Этимология. История-проблемы-метод, М.

Рамстедт Г.И. 1957, Введение в алтайское языкознание, М.

Удмурт 1924, Руководство по изучению вотского языка, Ижевск.

Фасмер М. 1967, Этимологический словарь русского языка, т.2, М.

Федотов М.Р. 1968, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, Чебоксары.

Donner O. 1874, Vergleichendes Wörterbuch der Finnisch-Ugrischen Sprachen, I, Helsingfors.

Itkonen E. 1954, Vorwort zur zweiten Auflage. — Y. Wichmann. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Helsinki.

Itkonen E. 1970, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tsche-remissischen und in den permischen Sprachen, — FUF XXX, Helsinki.

Munkácsi B. 1896, A votjak nyelv szótára. Budapest, 1890-1896.

Räsänen M. 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen, Helsinki.

Uotila T. 1938, Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis, Helsinki.

Wichmann Y. 1903, Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen, Helsingfors.